

Как человеку остаться человеком, когда для этого не остается никаких возможностей?.. Этот вопрос во все времена волновал человечество и будет волновать его всегда. Быть или не быть! Василь Быков пишет о войне — его герои проходят через настоящий ад экстремальных ситуаций. И если уж они проходят его, они не могут не полюбить читателя. Вспомните Сотникова, Ивановского из повести «Дожить до рассвета»...

Читателей всегда интересует, сколько в каждом таком герое... самого автора? Насколько идентичны их личности? Я знаю Василия Быкова двадцать пять лет и поэтому решаюсь высказать свое мнение: в каждом из этих героев — Василь Быков, его военная биография. Командир стрелкового взвода, командир взвода автоматчиков, командир батареи «сорокапятков»... Видимо, сама судьба хранила его для литературы, для нас.

Естественно, разговор наш начался с войны.

— Василь Владимирович, что вы почувствовали, когда узнали, что началась война? Были ли вы готовы к ней? Я имею в виду внутреннюю, психологическую готовность... Думали ли вы тогда, в сорок первом, что до Победы вам придется пройти через несколько стран Европы?..

— Наверное, я чувствовал в тот день то же самое, что чувствовали миллионы наших людей, — гнев, возмущение, ненависть. И, конечно же, как и все, ни минуты не сомневался, что враг немедленно получит сокрушительный отпор. Все мы жаждали победы, но никто из нас не думал, что дорога к ней окажется такой длинной и трудной.

— А помните ли вы свой первый бой?

— Его не забыть, как, впрочем, и последний... Хотя я участвовал в нем скорее как «наблюдатель», чем как солдат. Правда, винтовка у меня была и шесть обойм патронов к ней. Это под Харьковом было, в сорок первом. У меня и сейчас стоит перед глазами большое свекольное поле, село в отдалении. Мы видели только крыши, утопающие в садах. Там был противник. На поле лихо развернулась для атаки спешно переброшенная сюда кавалерийская часть. Судя по всему, она была издалека. Всадники были запяленные и экипированы по-походному: с переметными сумами у седел, винтовками и шашками, средствами противохимической защиты для себя и лошадей.

Высыпав из балки, они пустили коней в галоп. Мы, сотня наспех вооруженных винтовками новобранцев, прикрывали их фланг. Несколько минут было тихо, а потом навстречу кавалеристам ударили фашистские пулеметы, танковые пушки. Дело довершили внезапно появившиеся «юнкеры»... Из деталей этого боя больше всего почему-то запомнилась одна — толстые гофрированные трубки лошадиных противогазов. Вот больше сорока лет прошло, а никак не могу забыть эти противогазы...

— Был ли у вас бой «самый памятный», как тот, о котором поется в «Безымянной высоте»?

— Был. Тот самый, где меня ранило. Лежу беспомощный на снегу, сдвинуться с места не могу, а на меня напозаает немецкий танк. Его гусеница прошла по полам моей распластанной шинели.

— Какие новые, быть может, неожиданные грани человеческого характера открылись для вас на войне? Можете ли вы сказать, что война изменила Василия Быкова? Или она только «проявила» заложенные в нем гены? Минутку, еще не все... Стал бы Василь Быков писателем... без войны? Я знаю, писать вы начали после войны. Но был ли день, час, миг, когда вы, еще на войне, вдруг почувствовали, что все это надо как-то «закрепить», «отобразить»? Был ли период подготовки к «писательству» — дневники, записные книжки или просто раздумья, размышления?

— Своего рода военная хитрость: в одном вопросе — десять вопросов... Во-первых, война научила меня не судить никогда о человеке по первому впечатлению, хотя многие говорят, что оно самое верное. Ведь не зря же народ «пуд соли» придумал! Человек делом проверяется, а не его словами, не твоим первым впечатлением. Был в моем взводе солдат Свиридов, которого я считал божьим наказанием для себя за его своеволие, необузданность, недисциплинированность. Я не надеялся на него в бою и все искал случая, чтобы избавиться от него.

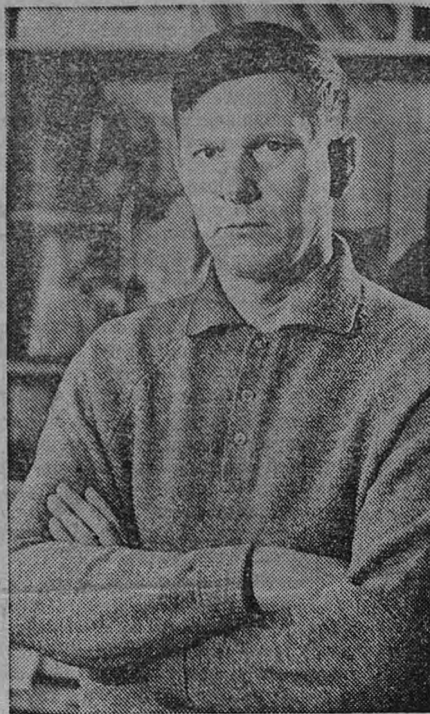
И вот первый бой. Я даже не мог представить, что человек способен преобразиться до неузнаваемости. Стал сдержанным, расчетливым, находчивым, в кризисные моменты оказывался рядом и даже давал дельные советы, вызывался на самое трудное, рискованное. После боя я не мог смотреть ему в глаза: мне было очень стыдно, что я так плохо думал о человеке, совершенно не зная его. Он стал лучшим солдатом в моем взводе и погиб под Балатоном за четыре месяца до конца войны.

С тех пор, когда встречаю незнакомого человека и он почему-то кажется мне очень симпатичным, я всегда вспоминаю Свиридова и говорю: не спеши, первый бой покажет.

Что же касается «писательских генов», то я вообще сомневаюсь в их существо-

Василь Быков:

«ЕЩЕ НЕ ВЫПОЛНЕН ДОЛГ»

вании во мне. В детстве и юности я мечтал стать художником. Почти вся молодость прошла в армии. По существу, я — писатель-практик, не обладающий профессиональной филологической подготовкой. За перо взялся, как теперь сам понимаю, скорее из литературно-полемических побуждений. Читал некоторые произведения о войне, и они выводили меня из себя своей «красивостью», своей «литературщиной». А мне хотелось правды! Может, это и сработало?

Ни в войну, ни после я не делал никаких записей, не вел дневников. Да и как это делать на передовой, если бы и хотел? Не стал их сочинять и задним числом. Считаю, что для создания чего-либо стоящего о времени недостаточно просто изучать это время, даже помнить его — надо жить в нем, даже если это время давно минуло. А еще лучше для художника, если это время будет жить в нем самом, не покидая его.

— Вы почти никогда не говорите о своих отце и матери... У меня такое чувство, что главные герои вашей повести последней — Петрок и Степанида — очень родные автору. Скажите честно, не стали ли их прообразами Анна Григорьевна и Владимир Федорович?

— Вот, казалось бы, простой вопрос, а ответить на него... Отвечу так. В «Знаке беды» отразилась часть моего детства. Да, Петрок и Степанида имеют отношение к моим родителям, но все же это характеры скорее литературного происхождения...

— Я знаю, Василь Владимирович, что в свое время некоторые критики и читатели упрекали вас за то, что в каждом вашем произведении обязательно присутствует «рыбак», то есть предатель. Что и говорить, тема неблагодарная... Можете ли вы сказать, что исчерпали ее или хотя бы что она стала понятней для вас?

— Характеры такого рода всегда очень трудно даются автору, особенно если он сам не обладает сходными чертами (не дай-то бог!) и вынужден их сочинять. Но у хорошего художника эта «сочиненность» бывает настолько точной, что порой затмевает реальные, принесен-

ные из жизни характеры и прототипы. Я думаю, что опыт Ф. М. Достоевского в этом роде убедителен. Что же касается темы, то ни одну тему нельзя назвать «исчерпаемой». Человечество-то ведь продолжает жить.

— Писатель всегда тщательно разрабатывает биографию своего героя еще до момента его рождения на страницах произведения. А думает ли он о биографии своего героя за рамками произведения? Или это уже сфера читательского сотворчества?

— Да, по-моему, это дело читателя. Многие произведения имеют так называемый открытый финал, как бы предлагающий читателю поразмыслить над тем, что недосказано книгой, то есть приглашают к соучастию, к сотворчеству.

— Теперь признаюсь, Василь Владимирович, что вопрос свой я задал с тайным умыслом. Молодые герои ваших прежних повестей, видимо, впитали какие-то черты молодого Василия Быкова. Представим

невероятное: встретились сегодня тогдашний и нынешний Василь Быков. Что бы они сказали друг другу? Узнали бы друг друга или нет?

— Наверное, трудно узнать в себе нынешнего себя давнишнего. Мы не так по себе, как по своим знакомым видим, насколько изменяет нас время. А может быть, и не следует искать нас прежних, а следует больше полагаться на вечно текущее время, которое знает, в каком направлении нас меняет. Любимые мои герои, конечно, постарели, поседели... Но, наверное, они еще не растратили пыла своей юной души. И если крутые горки не слишком укутали их на дороге жизни (по крайней мере, я надеюсь, что они именно такие), думаю, они имеют право сказать о себе: есть еще порохов в пороховницах!

— Заранее прошу простить меня. Но скажите, шестьдесят лет для писателя — это благо или... не очень?

— Жить значительно сложнее в шестьдесят, чем, скажем, в тридцать. Груз жизненного опыта имеет различные свойства: один его поднимает, другого он гнетет. Печально, если обретенный опыт подобен мертвому грузу и не находит не только применения в живой жизни, но даже и своего выражения. Каждый из нас может припомнить немало умнейших и достойнейших во всех отношениях людей, которые обладали уникальным опытом и унесли его туда, откуда никто не возвращается. С высокой вершины открываются прекрасные дали. А вот дойти до них может не каждый.

— Если бы вы вдруг решили написать повесть на современную тему, то про кого была бы эта повесть?

— Мне давно хотелось написать повесть, идею которой схематически можно выразить так: как легко проповедовать несомненные истины и как трудно им следовать в жизни! И что случается, если все-таки наперекор всему им следуют. И не следуют — тоже.

— А не мучает она вас, эта «нерожденная» повесть?

— Мучает, и уже много лет. Но все-таки я понимаю, что это не моя тема. Я скорее хотел бы видеть ее реализованной другим, более способным для того автором.

— И самое последнее. Что на столе?

— Повесть о войне и мире. Вернее, о некоторых моментах прошлой войны и настоящего мира.

— Василь Владимирович! Редакция уполномочила меня пожелать вам от имени своих читателей хорошего, крепкого здоровья. И еще сказать вам, что шестьдесят в наш век — это совсем немного. И еще попросить вас никогда не изменять самому себе. Хотя быть Василем Быковым, наверное, нелегко.

— Спасибо. Я оптимист. Еще поживем и поработаем. Еще далеко не все сказано, что обязаны сказать мы, солдаты прошлой войны, ставшие писателями. Еще не выполнен долг перед теми, кто не дожил до дня Победы.

Интервью взял
Николай МАТУКОВСКИЙ,
соб. корр. «Известий».